

Авторская книга – это территория свободы. Свободы не из словаря, а той самой тайной свободы, о которой писал Блок, а той внутренней, неотчуждаемой, единственной возможной всегда, а не только в избранные времена, в которые нам не посчастливилось жить.

Андрей ПЕРМЯКОВ

МНОГОГРАННОЕ ПОВТОРЕНИЕ

Алексей Колчев. Тринадцать/четырнадцать Сост. Д. Файзов, Ю. Цветков; Вступ. ст. Е. Процина: – М.: Культурная инициатива, 2024. – 138 с.

Десятилетие со дня смерти – дата печальная, а для творческого человека ещё и опасная. Очень уж часто спустя подобный срок наступает более или менее длительное забвение. Друзья постарели, поклонники модных текстов нашли иные объекты, литературоведы занимаются кем-то совсем давним или наоборот: остроактуальным. Бывает. А тут за шумом мира и нехорошими перипетиями удивительно быстро миновали десять лет со дня ухода из жизни поэта Алексея Колчева.

К грустной дате вышли две книги. И не архивных, а включающих неизданные прежде стихи. К одной из них я составил предисловие¹, а о другой попытаюсь сказать подробнее сейчас. Впрочем, сосредоточиться лишь на этом сборнике, проигнорировав второй, будет и нечестно, и просто глупо: упустим важные моменты. Итак, томик, вышедший чуть раньше, содержит 74 текста. Этот, читаемый сейчас – 105. Числа близкие. Но интересней количество пересечений. Только шестнадцать стихотворений вошли одновременно в обе книги. О чём это говорит? Прежде всего, думаю, о неустоявшемся каноне. Стало быть, поэт жив. Как мы помним, Алексей в свой последний земной год выпустил целых три книги². Они были разными,

но о них говорили, отмечая довольно схожие вещи: провинциальную хтонь, цитатность, игру с прямыми и менее очевидными предшественниками, ритмы очень странной музыки, присутствующие в стихах... В новой книге почти всё это есть, однако ткань её переливается совсем иначе.

Начнём по порядку. С частностей. С предисловия. О необходимости такового в поэтических книгах спорят и будут спорить, но появившись, оно делается неотъемлемой частью издания. В мире наивном предисловиям доставалась роль читательского помощника. Ту эпоху, конечно, мы не застали. Часто текст, несущий данную функцию, служит к прославлению автора. Только не автора стихотворений, а собственно автора предисловия. Тоже, к счастью, не наш вариант. Но вот рецензенту-критику Евгений Процин весьма помог. Для начала в плане малом и прикладном: предисловие содержит множество фрагментов из стихов Колчева. Значит, и мы поступим аналогично; будем цитировать. Ибо некоторые стесняются: мол, автору надо дать возможность к самостоятельной речи, не перебивая его. Ложная, по-моему, стеснительность. Избыточная.

Но главное – верное и тёплое предисловие, соразмерное структуре авторской поэзии, противоречит именно представлению этой поэзии в книге! Так иногда происходит; попробую изложить. Процин пишет о трёх книгах Колчева: «Такой казус синхронности совершенно ломает стереотипное представление о начале, продолжении и конце. Наверное, высшая ирония в том и заключается, что все эти книги оказались книгами уже сложившегося автора, со своим словом, миром и ритмом. Поэтому развернуть содержание книги, которую вы держите в руках, вспясть, по отношению к уже изданному и напечатанному можно только условно. Эта книга ни в коем случае не кода, она не объясняется тем, что уже написано, и соответственно сама не проливает новый свет на старые обстоятельства».

¹ Неожиданные вещи: стихотворения. – М.: Издательство СТиХИ, 2023.

² Лубок к Родине: стихи. – Самара: Цирк Олимп+TV, 2013; Частный случай. – Шупашкар: Free

poetry, 2013; Несовершенный вид. – Н. Новгород: Приволжский филиал Государственного центра современного искусства, 2013. – (Поэтическая серия Арсенала).

Действительно, обращаясь к прижизненным публикациям поэта, можно сделать вывод о его довольно экстенсивном развитии. Вот два стихотворения, вышедших в альманахе «Нестолничная литература» на рубеже тысячелетий:

Время застыло как мыло
серая пена и в ней волоски
время застыло и мне постыло
распадаясь на куски
на уголки на крючки на пятна
четыре шурупа и два гвоздя
надо куски собирать обратно
бритвой себя очертя

Высший свет

мне девушка как-то сказала
мне девушка как-то сказала
сказала мне девушка как-то
девушка как-то сказала мне
дезала скавушка как мне-то
де как мне тоска зала в ушко
да уж лучше бы ничего не говорила

Согласимся: это тот самый Алексей Колчев, коего мы полюбили в последние (и очень продуктивные) годы его творчества. Каким он сам себя являл читателю в книгах 2013-го года. Можно, конечно, найти отличия, но они будут количественными, что ли. Малофактурными. Зато открывают книгу совершенно иные стихи. Заметим: составители специально указали на отсутствие хронологического порядка в текстах. Но вряд ли следующее стихотворение было написано уж слишком давно. Книга называется «Тринадцать/четырнадцать». Конечно, сие не означает, что все составившие её тексты написаны в тринадцатом и начале четырнадцатого года. Хотя с огромной долей вероятности – в десятых:

ходил наголо бритый бородка остра
как шило
был нацболом по прозвищу троцкий

друзья подкалывали: а мама-то
разрешила?
это у них такой юмор плоский

а мама по-прежнему не разрешала:
поздно не возвращайся не пей не водись
с дружками
шило это такое жало
дрался пил с боевыми подругами
разговаривал с матюжками

повседневная романтика революции:
партсобрания листовки кассеты
товарищи за политику получали срока
кто больше кто меньше
давно работает редактором районной
газеты
но по-прежнему любит гибсона
паланика и уэлша

удовольствия предпочитает носящие
характер плотский
бывшие соратники теперь отзываются
грубо
о нём типа как – иудушка троцкий
такой живёт человек в ожидании ледоруба

Чистейшая фабула, изложенная сдержанными словами. Не нарочито стёртыми, как бывало у Колчева, а действительно нейтральными. Прочтём три строчки, предшествующие финальной. Без разбиения, это вполне б могло стать комментарием в любимом автором Живом Журнале. От какого-нибудь бывшего соратника бывшего нацбола. И рифма казалась бы издевательской, паразитной.

Другой текст:

в комнате слушали «сектор газа»
на разбитом кассетнике типа «веги»
или «весны» у приятеля свободная хата
он потом перепилит вены

кося от армии – загребут в дурку
выйдет с диагнозом смиренный сонный
ни тебе заколотить дудку
ни распить поллитру пьянящей сомы

а был музыкантом считал себя панком
восходящей надеждой местной сцены
двадцать лет как не пишет песни

о родина-герла объятия твои тесны
ублажить тебя как нам
грудь не заголив не сломав целки

Действительно – совершенно другой. Не будем вычитывать социальное, оно тут роли почти не играет. Но принципиально иная лексика, иная просодия; сонетная форма, отработанные внутренние созвучия. Движение от фобулы к нарративу (очередное подтверждение тезиса «текстура порождает нарратив»). Явно выраженное авторское отношение. И внезапно догадаемся: автор здесь – не Колчев. То есть, разумеется, поэт Алексей Колчев написал это стихотворение. Но прямым высказыванием назвать его сложно. Исходя, разумеется, из корпуса текстов.

Но и это ещё не всё. Одно дело, когда автор пишет нечто не похожее на себя самого, каким его знают и любят. Совсем иное – когда похожее на кого-то другого. Прочтём восьмистишие, посвящённое автору данной рецензии, тоже прежде не публиковавшееся:

Андрею Пермякову

контр-адмирал вынимает мякоть
из головы
вкладывает туда пулю как лаврушку
в кастрюльку супа
я сижу и читаю книгу «как выжить
среди гопоты
не присаживаясь на корты не щёлкая
семки сука»

в интернете полно видеороликов в них
как в кино
подростки одноклассников убивают
лист лавровый падает
на кастрюлькино дно
никуда не уплывает

Предложи мне кто угадать автора, я б не задумываясь назвал Алексея Григорьева. По-

эта прекрасного, однако в целом на своего тёзку и почти ровесника, во всяком случае – товарища по генерации и поколению, совершенно не похожего. Но честное слово: перепутал бы.

А ещё в книге есть цикл стихов, предположительно посвящённый памяти Григория Дашевского. Да, «предположительно», но уж слишком узнаваемым получился заочный диалог.

Есть игра словами в духе Александра Ко-рамислова: Колчев, кстати, не отрицал и этой творческой переключки. Есть «Метафизическая ода», то ли иронизирующая над своей любовью к подобной игре, то ли доводящая её до высоких пределов.

В книге вообще много разного есть, но пора уже ближе к сути. А суть в значительной мере высказал много лет назад Кирилл Корчагин. Рассуждая о всё тех же трёх прижизненных книгах Колчева, он написал: «Кажется, перед поэтом стоял вопрос: как те или иные поэтические техники могут смотреться в контексте провинциальной жизни? Ответом служил особый эксперимент, в ходе которого чужим техникам и манерам прививались гены зомби, способствующие образованию странных и подчас пугающих гибридов... Говоря словами Делёза, Колчев детерриторизирует чужую поэтику, чтобы заново ее детерриторизировать – не просто превратить в собственное высказывание, но в такое высказывание, что сможет включить в себя фрагменты чужого языка и опыта, переосмысленные, вписанные в новый контекст и наделенные новой функциональностью»¹.

Ну, и вот. Как видим, детерриторизировал не только чужую поэтику. Он ещё и ходил по территориям незнакомым, чтоб затем включить в стихи своё, как чужое. И верно сказано: переосмыслить, вписать в новый контекст.

Зачем? Ну, проникнуть в отсутствующую структуру, именованную в XX веке «Творческой лабораторией поэта» почти невозможно. Черновиков теперь нет. Но есть важный момент: эти тексты в свои книги Колчев не

¹ Кирилл Корчагин. «Дивизия зомби» и дикое бытие // НЛЮ. 2014. №5.

включал. Но и со страниц Живого Журнала не удалял. Может быть, рассчитывал на сборники грядущие. Тогда почти получилось – с той разницей, что книга вышла только сейчас. Но ведь и умирать не собирался, как верно сказано в предисловии. С таким диагнозом, в принципе, можно жить долго. Жаль, не у каждого получается.

Но, всё-таки, проговорённые *не очень своим* языком фавулы и нарративы приходили к некоему дискурсу, где главной темой было отсутствие в этом мире сильных. Или точнее – невесильность этих сильных. Как не всеислен автор в мире, создаваемом им. А сделайся он всеисильным, сопрягая слова назло их воле, мир тот станет мёртвым. Примеров в истории литературы масса.

Вот финал одного стихотворения. Про далёкого и нелепого островного бога, который не может ничего, кроме как принять скромные дары:

он ведь сам по себе бедолага хороший
принесём ему молочка фруктов
деревенские отвечают
нам ведь его жалко

А вот начало другого текста. Про наши уже реалии и обычаи:

капустная голова предтечи
синеет покрыта ледком на грядке
как покачивается в потоках водных

утешает: весь мир в порядке
выпекает: молодцу плыть недалече
тело разорванное живёт в животных...

Ну, хотя бы так утешает. Из-под раннего заморозка: Иоанна Предтечу ж поминаем в середине сентября.

А чем ещё утешить, если утешить нечем? Говорить нужно, надеяться тоже можно. Однако не более. Иначе обломаешься, как те, из повествовательных текстов. То есть обломаться-то ты всё равно обломаешься. Но хотя бы иначе.

Кирилл ЯМЩИКОВ

РАЗДВОЕННАЯ КАРУСЕЛЬ

Мария Лебедева. Там темно. – М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2024. – 284 с.

«Там темно» – роман во всех отношениях сегодняшний. Он складен, компактен и прозрачен, как любое качественное размышление в облике – притчи, городской баллады, упадочной *fairytale*. Здесь очень много проговариваемых вскользь максим, сентенций, не имеющих регуляторной функции, но – добавляющих тексту несколько опосредованной глубины.

Если говорить о «Там темно» в ключе социальных или антропологических исследований, оттенив влияние на него литературы и стилевых фантазмов, то можно вынести немало занятного: размышление о методе? Семейную кинохронику, разобранную на детали? Строгую деконструкцию привычных взглядов на роман о человеке?

«Лучший вид на этот город – если сесть в бомбардировщик», писал Иосиф Бродский о неприятии идеологического пейзажа. Пейзаж Марии Лебедевой, однако, лишён даже намёка на идеологию, а формула его принятия звучит доходчиво, миролюбиво. Лучший вид на *её* город – «поезд Москва – Санкт-Петербург». Только и всего. Сесть, забыть, уехать.

Чуть дальше, впрочем, сказано: «Так часто думали те, кто остался». От перестановки слагаемых сумма не меняется. Кормиться горем-злосчастьем с видом на Монпарнас или Сиднейскую оперу всё равно означает *кормиться*, страдать и, в конце концов, разыскивать варианты отступления, выхода из тупика. Европейское моралите: от себя не убежишь.

Поначалу меня смущала нарочитая *аккуратность* рассказа. Полумеры, выверенные тональности, развешанные там-сям водяные пистолетики Чехова; выстрелят, но больно не будет. Нейтральный – насколько это возможно – нарратив, упрятавший внутри себя разнобразные артефакты наблюдения, то, что у Марии Лебедевой получается ярче всего.